

Той самой была Чэн Ди. Она по-прежнему оставалась такой же утонченной и изящной, по-прежнему стягивала длинные прямые волосы на затылке, и выражение её лица оставалось таким же отстраненным, как и девять лет назад...

Девять лет назад, во время утреннего чтения перед самыми экзаменами, она стояла перед нами, сорока с лишним учениками, в простом белом платье, излучая ту самую невинную свежесть, которой в ней сейчас уже не осталось. Она произнесла: — Меня зовут Чэн Ди, мне шестнадцать лет. — И больше не проронила ни слова. В её прекрасных глазах не было ни ряби, ни тени волнения.

Наш классный руководитель, госпожа Гу, положила руку ей на плечо — так она обычно выражала свое расположение. Чэн Ди едва заметно вздрогнула, но затем снова застыла на месте.

— С сегодняшнего дня Чэн Ди становится частью нашего одиннадцатого «Б». Давайте поприветствуем её!

Все были слегка ошеломлены появлением новой ученицы. Я увидела, как она чуть опустила голову и украдкой сжала край своего платья, поэтому первой начала хлопать и крикнула: — Добро пожаловать, Чэн Ди!

Чэн Ди посмотрела в мою сторону. Её глаза, подобные звездам в ночной тиши, на мгновение дрогнули.

Однако сейчас её взгляд был спокоен. Она обвела им всех, задержавшись на мне. Мое сердце сжалось, казалось, оно перестало биться, а глаза могли лишь замороженно смотреть на неё. Но её взгляд скользнул дальше.

Сердце упало. На что я надеялась? Чего я ждала? Неужели надеялась, что всё будет как тогда, когда одного лишь сплетения наших взглядов было достаточно, чтобы чувствовать себя бесконечно счастливой? Как же это смешно. Если память мне не изменяет, три года назад именно с её номера пришло то сообщение.

Я не знаю, как она узнала мой номер, но она написала: — Я выхожу замуж, — и не поставила точки.

Я сидела на краю цветочной клумбы на площади, наблюдая за потоком людей, и тупо смотрела в экран телефона. Сознание помутилось, я не могла ни о чем думать, пока какая-то женщина не окликнула меня: — Девочка, что с тобой? — Только тогда я поняла, что всё лицо у меня в слезах.

Я металась в мыслях: что мне делать? Почему она нашла мой номер, чтобы сообщить об этом? Ждала ли она, что я что-то предприму, или просто хотела констатировать факт?

Стоило ли мне сорваться с места и побежать к ней, как в кино, где герой врывается на свадьбу, чтобы увести невесту? Глупости. Если бы я появилась там, это стало бы посмешищем, а не красивой историей. В фильме «Китайская одиссея» фея Цзы Ся, собираясь замуж за Короля Быков, с мечтательной улыбкой говорила: — Мой суженый — великий герой, однажды он придет за мной в облачении из пятицветных лучей. Но я не была ничьим великим героем, я — обычная девушка, поэтому ответила ей: — Желаю тебе счастья!

Это была единственная связь между нами за те четыре года до свадьбы и три года после. Одно сообщение за семь лет — и мое сердце рассыпалось в пыль.

Я не знала, какое выражение было у неё на лице, когда она читала мой ответ. Глубокое разочарование? Или обычное, привычное ей равнодушие?

Но факт оставался фактом: она вышла замуж. Да, она стала женой. На что я всё еще надеялась?

Я мысленно посмеялась над собой, приказав себе успокоиться, и нацепила вежливую улыбку.

Когда внутри немного утихло, я смогла разглядеть её наряд: нежно-зеленое платье, белая кожаная сумочка, светлые босоножки. Невинность и зрелость странным образом слились в её облике.

Затем я услышала, как она произнесла: — Прошу прощения, я опоздала. — Голос был таким же мягким, улыбка — такой же сдержанной. Это был её стиль. Нет, всё же она изменилась. Раньше она редко здоровалась с кем-либо. На классных вечеринках она появлялась и исчезала бесшумно, а то и вовсе не приходила. А теперь она усвоила правила светского общения и стала взрослее.

Ван Мэй, взявшая на себя роль хозяйки вечера, рассмеялась: — Вовсе нет, ты опоздала лишь на мгновение позже нашего главного гостя. — Она выразительно посмотрела на меня.

Взгляд Чэн Ди проследовал за её глазами и остановился на мне. Мое сердце снова дрогнуло.

Я услышала, как она сказала: — Давно не виделись.

Я впервые за семь лет услышала её голос вживую, хотя во снах он звучал часто. Она сохраняла мягкую, отстраненную улыбку, словно мы были просто обычными знакомыми.

У меня перехватило горло, я не могла вымолвить ни слова. Ван Мэй толкнула меня локтем: — Что, онемела от вида красавицы?

Красавицы? Я никогда не думала о Чэн Ди в таких терминах, мне казалось, что это слово, бросающееся на каждом углу, осквернило бы её. Раньше Чэн Ди, пусть и была отстраненной,

оставалась чистой и искренней. Если Ван Мэй была страстной бегонией, а Цзя Лань — гордой снежной сливой, то Чэн Ди была одинокой орхидеей, расцветающей в глубине долины.

— Конечно, ты что, не знаешь, что я эстет? — поддавшись на провокацию Ван Мэй, выдавила я.

Чэн Ди больше ничего не сказала. Увидев, что Чжан Юань Юань машет ей рукой, она прошла к свободному месту и села примерно в трех метрах от меня.

Я знала, что не должна следить за ней взглядом, но глаза не слушались. Я видела лишь её нежно-зеленую спину. Когда она повернулась к остальным — и ко мне в том числе, — я тут же отвела глаза, будто пойманная на воровстве.

— Итак, все, кто должен был прийти, в сборе. Давайте выпьем за нашу ежегодную встречу! И раз уж наша вечно пропадающая Сяо Нин наконец вернулась к людям, давайте поприветствуем и её!

В словах Ван Мэй было много иронии, но и скрытой теплоты. Я лишь усмехнулась про себя.

Бокалы двух с лишним десятков человек наполнились, раздался звон. Когда бокалы столкнулись, наши взгляды с Чэн Ди встретились. В её глазах царил полный штиль, словно в неподвижном озере, но уголки губ тронула вежливая улыбка.

Я твердила себе: — Успокойся, Сяо Нин, чего ты так волнуешься?

Ван Мэй опустила бокал: — Во что будем играть? — Она посмотрела на меня с сияющей улыбкой. По спине пробежал холодок: чувствовала, что попала на пир в Хунмэнь.

— В караоке! Требую, чтобы Сяо Нин и Цзоу Юань Кэ спели дуэтом!

— Нет, лучше с Кан Каем!

— Давайте в «Правду или действие»! — Ван Мэй уже всё решила, демократия тут была ни к чему. Остальные подхватили идею, единогласно проголосовав за эту игру.

Я вздохнула и посмотрела на Цзя Лань, моля о помощи, но та лишь пожала плечами — мол, ничего не поделаешь. Боюсь, у неё самой было злорадное желание проучить меня за мои выходы прошлых лет.

Ван Мэй подозвала официанта, что-то прошептала ему, и тот принес барабан и красный шелковый цветок.

— Мы будем передавать цветок под бой барабана. На ком музыка остановится, тот выбирает правду или действие!

Боже мой, а что если тот, кто бьет в барабан, специально остановит его на мне? К тому же Ван Мэй вызвалась быть первой!

Когда она встала, я схватила её за руку и жалобно прошептала: — Пощади... — Ван Мэй кокетливо улыбнулась и отстранилась. Все сели в круг, Ван Мэй заняла высокий стул, взяла палочки и объявила игру открытой.

Как и ожидалось, в первом же раунде я попалась.

Ван Мэй приподняла бровь: — Правда или действие?

— Я... — Я не знала, какие вопросы они могут задать, а Чэн Ди была совсем рядом. Поколебавшись, я выбрала действие.

— Сяо Нин выбрала действие. Ну что, какие будут предложения? — спросила Ван Мэй.

— Французский поцелуй!

— Стриптиз!

— Изобрази Фу Жун!

О боже, вы можете быть хоть немного милосерднее? — взывала я про себя.

Цзя Лань вдруг вступилась: — Давайте начнем с чего-нибудь попроще. — Мое сердце растаяло: — О, моя дорогая сестра, когда-нибудь я отплачу тебе! — Но тут она добавила: — ...и постепенно перейдем к сложному.

Что такое коварство? Теперь я знаю точно. Видя многозначительные взгляды окружающих, я поняла, что действительно попала в ловушку и стала жертвенным агнцем.

Моим «простым» заданием стало подойти к первому попавшемуся мужчине в баре и сказать: — А ты знаешь, я — свинья, принявшая облик человека!

Когда я, глубоко вдохнув, пробормотала это мужчине в красном, он открыл рот, несколько секунд смотрел на меня, а потом выдал: — Что-то не похоже!

За спиной раздался взрыв хохота.

Я вернулась на место с мрачным видом, что вызвало новую волну смеха. Чэн Ди сидела в стороне и наблюдала за мной, выражение её лица оставалось спокойным, улыбка едва уловимой, она изредка перекидывалась парой фраз с Чжан Юань Юань.

Во втором раунде я снова проиграла. На этот раз выбрала правду — не хотелось ни с кем целоваться, ни танцевать стриптиз.

— Ты когда-нибудь была влюблена в кого-то из присутствующих? — Вопрос Ван Мэй ударил как молния, я не успела подготовиться.

Я машинально посмотрела на Чэн Ди. Её взгляд встретился с моим, глубокий и печальный, как лунная рябь на воде.

— Я... — я замялась, не в силах ответить.

— Отвечай! — Ван Мэй смотрела на меня, как следователь на подозреваемого.

Неужели сказать, что я была влюблена в Чэн Ди? Если признаюсь, это станет главной новостью года, и покой в наших семьях будет нарушен навсегда. Но солгать? Я не хотела обманывать старых друзей, да и что подумает Чэн Ди? Неужели всё, что было между нами, — лишь сон?

— Я... — я лихорадочно искала ответ и улыбнулась Ван Мэй: — Если ты имеешь в виду то чувство, которое Чжоу Нянь испытывал к тебе, то нет, такого не было.

При упоминании Чжоу Няня брови Ван Мэй взлетели вверх: — Еще смеешь вспоминать об этом? — Тот, уже будучи студентом, так донимал её, второкурсницу, что она стала «знаменитостью» во всей школе. Одно упоминание о нем вызывало у неё зубную боль. Но Ван Мэй не была глупой, она не позволила перевести тему на себя и рявкнула: — Я тебя спрашиваю! Не увиливай!

— Я уже ответила. — Да, я выкрутилась. Чувства Чжоу Няня к Ван Мэй были мужской любовью, а мои чувства к Чэн Ди были... однополыми.

Кан Кай притворно вздохнул: — Ты уверена? Уверена, что никогда не была влюблена в меня?

Я швырнула в него подушку с дивана: — Ты слишком высокого мнения о своей персоне, если думаешь, что в тебя влюблен весь земной шар!